

Штабсь-капитанъ Гурдовъ.

Телеграмма «Петроградскаго Агентства» отъ 15-го февраля кратко сообщает о смерти штабсь-капитана Гурдова. Подъ Праснышомъ Гурдовъ, командуя нашими блиндированными автомобилями, «подъ жестокимъ огнемъ выхлалъ на германскую батарею и огнемъ на расстоянии 20 шаговъ перебилъ прислугу у орудій». При этомъ «беззавѣтно-дерзкомъ полетѣ, весьма благотворно отразившемся на общемъ ходѣ сраженія», штабсь-капитанъ Гурдовъ и былъ убитъ. Телеграмма напоминаетъ, что Гурдовъ уже прославился въ починѣ бою близъ Пабіанницъ, и являлся въ нашей арміи пионеромъ въ дѣлѣ боеваго употребленія автомобилей.

Биографію и характеристику Гурдова напишутъ его товарищи, знавшіе его. Но и мы, встрѣчавшемуся съ нимъ всего нѣсколько разъ, хочется упомянуть его. На всѣхъ, кто къ нему приближался, Гурдовъ производилъ впечатлѣніе человека незауряднаго, а послѣ недолгаго разговора съ нимъ каждый невольно поддавался обаянію его души, въ которой юношеская мечтательность своеобразно сочеталась съ математической строгостью мысли и строгимъ, холоднымъ расчетомъ. Когда отъ насъ уходять люди, подобные Гурдову, глубоко жаль и ихъ самхъ, и страшно за дѣло, бывшее въ ихъ рукахъ, потому что тяжело найти въ замѣну имъ очереднаго.

Я посвятилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отдѣльную статью штабсь-капитану Гурдову (въ № отъ 28-го декабря, «Одинъ изъ героевъ», гдѣ имя Гурдова означено инициалами Г.), въ которой описалъ свою первую встрѣчу и бесѣду съ нимъ. Гурдовъ тогда вкратчѣ передавъ мнѣ свою биографію: разсказавъ, какъ онъ служилъ капитаномъ подводнаго плаванія и увлекался фантастическими прогулками по морскому дну; какъ онъ мечталъ стать ави-

аторомъ, но долженъ былъ отказаться отъ такого намѣренія по состоянію своего здоровья; какъ позже томился, служа преподавателемъ въ одномъ военно-учебномъ заведеніи, изнемогая отъ этой кабинетной работы, которая подавляла въ немъ жажду живой, непосредственной дѣятельности и подрѣзывала крылья у его фантастическихъ мечтаній. Едва началась настоящая война, Гурдовъ устремился на нее, какъ на то попріище, на которомъ онъ можетъ, наконецъ, удовлетворить всѣ самыя настойчивыя потребности своего духа.

И дѣйствительно, на войнѣ Гурдовъ могъ въ полной мѣрѣ утолить свой духовный голодъ по *необходимому*. Въ короткое время имя Гурдова получило самую широкую огласку въ военныхъ сферахъ и за ихъ предѣлами. Цѣлый рядъ безумно-смѣлыхъ предпріятій былъ связанъ съ именемъ Гурдова. Онъ находилъ особые наслажденіе въ испытываніи судьбы и съ величайшей охотностью принималъ на себя самыя рискованныя порученія, часто оказывая тѣмъ огромныя услуги нашей арміи. То была не только храбрость, не только готовность исполнить свой долгъ, но неодолимая потребность приблизиться къ опасности и восторжествовать надъ нею силами своего хладнокровія, рѣшительности и строгаго расчета.

Особенно много сдѣлалъ Гурдовъ, когда былъ назначенъ командиромъ нашихъ блиндированныхъ автомобилей. Онъ не только «поставилъ на ноги» это новое у насъ дѣло («явился его пионеромъ», какъ говоритъ телеграмма «Петр. Агентства»), но вознесъ его на высоту, которой оно не достигло и у нашихъ враговъ, раше обзаведшихся этими машинами. На нѣмецкихъ нашъ отрядъ блиндированныхъ автомобилей наводилъ паническій ужасъ. Съ ничтожными силами Гурдовъ врывался въ цѣлые полки германцевъ и, хранимый какимъ-то чудомъ, подъ дождемъ пуль, шрапнелей и гранатъ засыпалъ врага своими снарядами и заставлялъ отступать. Въ ночномъ бою,

близъ Пабіанницъ (подъ Лодзью) Гурдовъ, командуя двумя блиндированными автомобилями и автомобилемъ пушкой, имѣя подъ своей командой всего 16 человекъ, привелъ въ безпорядокъ и отбѣсвилъ съ позиций *четыре полка* нѣмцевъ. Подчиненные сѣбно вѣрны въ Гурдова, любили его беззавѣтно и были убѣждены, что онъ «заговорить» отъ нуля. Впрочемъ нѣсколько разъ Гурдовъ бывалъ легко раненъ.

— Я,—говорилъ мнѣ Гурдовъ,—немного фаталенъ...

Вѣроятно, онъ употребилъ это послѣднее слово изъ особой духовной стыдливости, которая не позволяетъ говорить все о самомъ святомъ. Правильнѣе Гурдовъ могъ бы сказать, что онъ—человекъ вѣрующій, религиозный. Не столько онъ полагался на фатумъ, судьбу, сколько на промыселъ Божій. Однажды въ Варшавѣ я зашелъ въ новый соборъ, службы не было, и храмъ былъ пустъ. Въ сторонѣ, у одной иконы, я увидѣлъ колѣнопреклоненнаго человека, который молился, ничего не замѣчая вокругъ. Когда онъ поднялся съ колѣнъ, я узналъ Гурдова. Мы говорили нѣсколько минутъ. Я сказалъ что-то о художественной красотѣ собора. Гурдовъ возразилъ мнѣ:

— Это зависитъ отъ того, кто чего ищетъ въ храмѣ. Для меня этотъ соборъ дорогъ тѣмъ, что онъ располагаетъ къ молитвѣ. Я люблю приходить сюда, когда здѣсь никого нѣтъ: тогда весь этотъ просторъ, этотъ куполъ, эти величественныя колонны какъ-то невольно возносятъ душу къ Богу...

У насъ еще нѣтъ подробностей о послѣднемъ боѣ, въ которомъ Гурдовъ погибъ. Но въ самый день его смерти мнѣ случилось быть именно въ той деревнѣ Добжиньково, около которой онъ былъ убитъ. Это—небольшая деревушка, верстахъ въ семи отъ Прасныша, на самомъ шоссе. Въ этомъ мѣстѣ шоссе дѣлаетъ небольшой поворотъ влѣво (если ѣхать къ Праснышу); даль закрыта кустарникомъ и мелколѣсьемъ. За этими деревьями и расположили нѣмцы свою батарею,

загоравшая запятый ими тогда Праснышъ и осыпая наши силы перекиднымъ огнемъ. Слѣва находится широкое открытое поле, по которому безъ тяжелыхъ жертвъ невозможно подойти къ неприятельскимъ позиціямъ: справа—долина небольшой рѣчки, тоже открытая для обстрѣла съ нѣмецкихъ позиций, занимавшихъ,—сравнительно съ долиной, высоты.

Такая топографія мѣстности и объясняетъ нѣкоторую затруднительность нашего положенія. Когда я былъ въ Добжиньковѣ, просматривая тотъ «общій отходъ нашихъ войскъ, сопровождавшій начало сраженія», о которомъ говоритъ телеграмма «Петроградскаго Агентства» (отъ 15-го февраля). Гурдовъ, очевидно, пошелъ свои блиндированные автомобили прямо по шоссе непосредственно на неприятельскую батарею. Умыралъ, онъ могъ имѣть то утѣшеніе, что движеніе его и на этотъ разъ удалось блестяще. Не только Праснышъ былъ взятъ нами обратно, но даже неприятель «въ *большомъ*, но еще не выясненномъ числѣ положилъ оружіе». Одна телеграмма говорить, что «дерзкій налетъ Гурдова весьма благотворно отразился на общемъ ходѣ сраженія». Другая подсчитываетъ, что за два дня, 11-го и 12-го февраля, нами взято въ праснышскомъ сраженіи «30 офицеровъ, 2,600 нижнихъ чиновъ, 7 орудій, 11 пулеметовъ и большое количество обоза». Такимъ образомъ, и въ послѣднемъ роколомъ для него боѣ штабсь-капитанъ Гурдовъ остался тѣмъ же героемъ, какимъ проявлялъ себя во всю кампанію, и погибъ, оказывая новую, неоцѣнимую услугу нашей арміи...

Приходится сказать «послѣднее прости» нашему герою и человеку. Да живеть его примѣръ въ рядахъ нашей арміи! Будемъ надеяться, что въ ней найдутся новые Гурдовы, которые сумѣютъ продолжать его любимое дѣло. Это будетъ лучшимъ вѣнкомъ на могилу штабсь-капитана Гурдова.

Вал рій Брюсовъ.

Варшава, 16-го февраля.